

Таким образом, историческое развитие философии представляет собой вариации социального и культурно-исторического способа интерпретации сущностных моделей. В этом смысле философия исторична и историей своей демонстрирует извечное стремление человеческой мысли постигнуть основания своего бытия.

Литература

1. Лавджой А. Великая цепь бытия.: История идеи. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. – 376 с.
2. Чаадаев П.Я. Философические письма // Чаадаев П.Я. Сочинения. М.: Изд-во «Правда», 1989. – С. 15 – 138.

§ 2. Становление истории идей как методологии гуманитарного познания

Необходимость осмысления специфики гуманитарного познания делает актуальной разработку его методологии в рамках различных подходов, школ и течений. Одним из таких направлений в методологии социально-гуманитарных наук XX века стала история идей, которая возникла как теория, сосредоточенная на исследовании идей, оказавших наиболее существенное влияние на развитие культуры.

Сложность концептуализации истории идей как самостоятельной области философского знания была обусловлена не только характером ее объекта, но и необходимостью анализа специфики понимания истории разных наций, той лексической неопределенностью, которая существовала в этой области. Как утверждал Р. Шартье, ни в одной другой области исследований не используются термины «столь специфичные для каждой нации и столь трудно поддающиеся акклиматизации в другой стране» (6, с.1). Так, если в американской историографии использовались термины «интеллектуальная история» и «история идей», то в европейских странах

преобладающими оставались «история ментальностей», «социальная история идей» и «социокультурная история».

Специфический характер объекта исследования определил и методологические особенности самой истории идей, которая относится к числу мягких методологий, «направленных не на *разделение*, а на *объединение* гуманитариев, изучающих традиции и тенденции интеллектуальных процессов» (5, с.12).

Исходная концепция истории идей была сформулирована А. Лавджоем, который, определяя предмет, цели и методы своего исследования, подчеркивал, что под историей идей он понимает «нечто одновременно и более специфическое и менее узкое, чем история философии» (2, с.9). Изучая те же предметы, что и история философии, опираясь на ее результаты, история идей рассматривает их под своим особым углом зрения, проникая в незыблемые философские системы, «делит их на исходные элементы, на то, что может быть названо элементарными идеями, идеями-единицами (unit-ideas)» (там же).

Поиск идей-единиц в философских доктринах показывает их комплексный, гетерогенный характер, так как философские системы отличаются не своими элементами, а их сочетаниями. Новизна теорий достигается «за счет новых сфер их приложения и новой аранжировки составляющих их элементов» (там же). За внешними различиями доктрин история идей позволяет увидеть общие логические, псевдо-логические или аффективные «ингредиенты», не всегда совпадающие с понятиями, традиционно используемыми для характеристики великих концепций.

Конкретизируя предмет истории идей, Лавджой выявляет основные типы элементов, исследуемых ею. К первому относятся имплицитные, бессознательные ментальные предпочтения и привычки, которые скорее подразумеваются, нежели формулируются и обосновываются. Одним из таких имплицитных факторов является склонность к определенному типу мышления, в основе которой лежит различие между сознанием,

ориентированным на простое решение задач (дух упрощения), и сознанием, исходящим из представления о сложности устройства мира и необходимости учитывать множество взаимосвязанных соображений при решении любых проблем.

Эти имплицитные интеллектуальные предпочтения, будучи эксплицированы, сводятся к принципиальным логическим или метафизическим предпосылкам, подчас довольно спорным, влияют на любые объекты рефлексии, в значительной степени определяют мышление как индивида, так и целого поколения или эпохи. Так, например, эпоха Просвещения, несмотря на существование идей, утверждающих сложность Вселенной и человека, в целом была эпохой доминирования духа упрощения, уверенности в простоте истин, необходимых и доступных человеку, признания возможности «кратких и ясных методов» в отношении любых предметов, касающихся человека.

Второй тип действующих в истории идей факторов связан с чувствительностью к различным видам метафизического пафоса и представляет собой такое описание предмета, которое вызывает своими ассоциациями, своего рода эмпатией, «конгениальное расположение духа или строй чувств у философа или его читателей» (там же, с. 15). Однако, исходя из существования множества разновидностей метафизического пафоса и разной степени чувствительности к нему людей, необходимо отличать собственно метафизический пафос от его подобию.

Так, являющиеся наиболее распространенными пафос туманности, непостижимости, сопровождающийся появлением у читателя чувства благоговения и экзальтации, а также пафос эзотеричности, удовлетворяющий стремление людей быть посвященными в тайные мистерии, не являются собственно метафизическими, ибо выражают отношение не к атрибутам самого мира, а к философской доктрине.

Восприимчивость к разного рода пафосу играет большую роль в формировании философских систем, является причиной их популярности и

влияния среди разных людей и поколений, поэтому перед историей идей стоит задача изучения этих видов восприимчивости, а также демонстрации того, каким образом они «способствовали конструированию систем или приданию идеям правдоподобности и повсеместного хождения» (там же, с.18).

Важнейшим принципом методологии истории идей является ее междисциплинарность, предполагающая рассмотрение развития вычлененной элементарной идеи не только в философии, но и науке, литературе, искусстве, религии и политике. Между различными сферами интеллектуальной жизни существует гораздо большая взаимосвязь, чем принято полагать, ибо «одна и та же идея нередко проявляется, пусть и трудно узнаваемой, в самых разных областях интеллектуального мира» (там же, с.19).

Исходной позицией истории идей является также отрицание деления идей по национальному или языковому признаку, осознание необходимости изучения истории идей разных наций, стран, событий, тенденций. Сложившаяся в исторических науках «департаментализация» по языковому и национальному принципу подвергается в истории идей переоценке, считается не лучшим способом их исследования. Даже в тех дисциплинах, где существуют очевидные причины деления на малые единицы (например, при изучении истории политических институтов и движений), происходит объединение ветвей исторического исследования, связанное с осмыслением того, что «понять реальные причины событий, тенденций, политики одной страны невозможно без изучения множества событий, тенденций, политики других» (там же, с.22).

Другим методологическим принципом истории идей является требование общекультурного уровня анализа, предполагающее исследование разноуровневых, разнопорядковых явлений, составляющих интеллектуальный контекст эпохи. Это требование реализуется через изучение проявлений тех или иных идей-единиц в коллективной мысли

больших групп людей, а не только в учениях или мнениях небольшого количества глубоких мыслителей или знаменитых писателей.

Традиционно исторические дисциплины обращались преимущественно к анализу текстов произведений великих авторов, однако, историческое понимание их концепций невозможно без знания того, как «они связаны с интеллектуальной жизнью, общераспространенной моралью и эстетическими ценностями этой эпохи» (там же, с.24). Поэтому предметом истории идей становится анализ верований, вкусов, предрассудков, как средоточия идей, получивших широкое распространение, утвердившихся во множестве голов.

Трудности, возникающие в изучении истории идей, обусловлены необходимостью интерпретации и обобщения материала разных областей знания, поиска взаимосвязи между предметами, на первый взгляд имеющими мало общего. Кроме того, для истории любых этапов человеческой мысли характерно смешение идей, пробы и ошибки, но сами эти ошибки проясняют нам «специфическую природу, чаяния, дарования и пределы создания совершающего их, равно как и логику его рефлексии, в которой эти ошибки случались» (там же, с.26).

Дальнейшее развитие истории идей как методологии социально-гуманитарного познания было связано с анализом различных аспектов их существования в широком интеллектуальном и социокультурном контексте, образном и языковом их воплощении в других идеях.

Определенный вклад в развитие истории идей как методологии гуманитарного познания был внесен в XX в. французскими историками школы «Анналов», обратившими внимание на необходимость анализа идей в зависимости от условий их «производства», различных форм интеллектуальной и социальной жизни. Критикуя традиционные исследования интеллектуальной истории, они предложили новый подход к анализу отношений между произведением, автором, эпохой.

В этом контексте Л. Февром была предложена новая трактовка природы идей путем введения понятия «ментальное оснащение». Он

утверждал, что каждая цивилизация и эпоха имеют собственные интеллектуальные средства, «ментальный инструментарий», определяющий возникновение идей, который не является универсальным, а представляет «ценность исключительно для создавшей его цивилизации и использующей его исторической эпохи» (7, с.150).

Конкретизируя содержание понятия «ментального оснащения», Февр выделил в нем лингвистический, концептуальный и эмоциональный элементы. Лингвистический включает в себя лексическое и синтаксическое состояние языка; концептуальный определяется интеллектуальными средствами и научными языками, которые доступны в конкретную эпоху. Эмоциональный элемент представляет собой систему восприятий, определяющих аффективные структуры.

В каждый конкретный период специфическое соединение этих элементов и определяет «способы мышления», которые формируют то или иное содержание идеи. Поэтому для выявления специфики конкретных систем мышления историку идей необходимо соотносить их с нормами ментального оснащения той эпохи, а не классифицировать с помощью анахроничных категорий. Применяя для интерпретации взглядов классифицирующие термины, созданные «задним числом», мы фальсифицируем психологическую реальность той эпохи, так как изолируем идеи от условий, санкционирующих их производство и от различных форм социальной жизни. Установить оригинальность идей и систем мышления прошлого во всей их полноте и противоречивости можно лишь, поместив их в социокультурный контекст.

Подобный социокультурный подход к пониманию истории идей развивает Э. Панофски, для которого центральным стал анализ механизма интерпретации внутри группы социальных агентов фундаментальных категорий мышления, а также бессознательных схем, структурирующих отдельные мысли и действия (4). Такой механизм представляет собой «ментальный хабитус», который является набором бессознательных схем и

усвоенных принципов, придающих единство мышлению эпохи. Ментальный хабитус указывает не только на те условия, в которых он был привит, но и на силы, его формирующие (например, институт школы в его различных формах). Такой подход позволил выявить через единый источник производства знания сходство, существующее между разнообразной интеллектуальной продукцией данной среды.

Таким образом, понимание истории идей как интеллектуальной истории было дополнено анализом коллективных представлений, ментального оснащения, определяющих способы и формы мышления, имеющие всеобщее распространение в рамках данной эпохи. В качестве объекта исторического исследования при этом конституировалось нечто прямо противоположное тому, что являлось объектом для традиционной истории философии. Поскольку в истории ментальностей акцент делался на коллективные формы, это сближает ее с исторической психологией, этнологическими и социологическими исследованиями.

Другой методологический подход к пониманию истории идей был разработан Л. Гольдманом, чья позиция отличалась, с одной стороны, от традиционной биографической и позитивистской направленности истории идей, но не совпадала и с подходом историков ментальностей. Не отказываясь от изучения выработки сознания в рамках социальной сферы, он реализовал этот подход через введение понятия «видение мира», которое определял как «совокупность надежд, чаяний, чувств, идей, объединяющих членов группы (чаще всего представителей одного социального класса) и противопоставляющих их другим группам» (1, с.24).

С этих позиций Гольдман признает социальное значение литературных и философских текстов, выявлял сходство между произведениями, противоположными по характеру и форме, а также выделял в творчестве одного автора основополагающие тексты, с которыми должны быть соотнесены другие его произведения. С точки зрения такого подхода, «великие» писатели и философы в своих основополагающих произведениях

«наиболее последовательно выражают сознание социальных групп, частью которых они являются» (5, с.12). При этом выявить сложные и противоречивые значения коллективного мышления возможно через интерпретацию интеллектуального или художественного творчества великих авторов, так как общие идеи наиболее полно и явно выступают в уникальных текстах.

Таким образом, в рамках методологической концепции истории идей были сформулированы важнейшие принципы гуманитарного познания, ориентирующие исследование на выявление содержания идей с позиций анализа предпосылок и оснований их возникновения, а также основных тенденций развития в широком интеллектуальном и социокультурном контекстах. При этом была обоснована необходимость изучения не только явных, но и имплицитных, бессознательных ментальных явлений, выступающих в неявной форме и оказывающих влияние на все виды интеллектуальной деятельности. Кроме того, был поставлен вопрос, каким образом незаметные трансформации смыслов могут приводить к новым тенденциям развития идей. Обращение к междисциплинарному взаимодействию, рассмотрению диалога и взаимообогащения идей в различных интеллектуальных сферах как способа их развития позволяет выявить общекультурный уровень разнопорядковых явлений, составляющих интеллектуальный контекст эпохи.

Литература

1. Гольдман Л. Сокровенный Бог / Пер. с фр. – М.: Логос, 2001. – 480 с.
2. Лавджой А. Великая цепь бытия. История идей. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. – 376 с.
3. Ойзерман Т.И. Амбивалентность великих философских учений (К характеристике философских систем Канта и Гегеля)// Вопросы философии. – 2007. – №10. – С. 121 – 137.
4. Панофски Э. Idea. К истории понятий в теории искусств от античности до классики / Пер. с нем. – СПб.: Андрей Наследников, 2002. – 237 с.

5. Философский век. Альманах. Вып.17. История идей как методология гуманитарных исследований. Часть 1. – СПб.: Санкт-Петербургский Центр Истории Идей, 2001. – 369 с.

6. Шартье Р. Интеллектуальная история и история ментальностей: двойная переоценка? // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 2 (66). – С. 17 – 47.

7. *Febvre Lucien. The Problem of Unbelief in the Sixteenth Century: The Religion of Rabelais / Trans. by Beatrice Gottlieb. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1982.*

§ 3. Методология истории идей в контексте неклассической теории познания

История идей как методология гуманитарного познания насчитывает полувековую историю, она изначально была изложена А. Лавджоем в его работе «Великая цепь бытия: История идей», в 30-е годы XX в. (5). В отличие от истории философии и истории наук, история идей анализирует не разнообразные философские и научные системы, теории, взгляды в их исторической последовательности, а мыслительные единицы философских и научных построений, которые наподобие сложных химических веществ, отличающихся от элементов их составляющих, представляют собой различное сочетание элементов тех или иных доктрин, которые, «будучи представлены в различных логических комбинациях, не всегда легко узнаваемы» (там же, с. 9).

В контексте методологии истории идей различные философские системы и научные теории «оригинальны и отличны от других не столько своими элементами, сколько их сочетаниями» (там же), а кажущаяся новизна многих систем достигается «исключительно за счет новых сфер и приложения и новой аранжировки составляющих их элементов» (там же).

Основными принципами выделения основных идей, ментальных единиц философского и научного познания, с точки зрения Лавджоя, являются общекультурный уровень анализа (выход за рамки общепринятого деления по национальному или языковому принципу); межнациональный –